

Киплинг Редьярд

Первая книга джунглей

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Р33

Р33 **Редьярд К.**
Первая книга джунглей / Киплинг Редьярд – М.: Книга по Требованию, 2023. – 81 с.

ISBN 978-5-519-89055-7

ISBN 978-5-519-89055-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

свой участокъ безъ предупрежденія. Въдь онъ распугаетъ всю дичь на десять миль въ окружности, а мнѣ приходится послѣднее время охотиться за двоихъ“.

„Мать недаромъ назвала его Лонгри (Хромой),“ спокойно замѣтила Волчиха. „Онъ отъ рожденія хромалъ на одну ногу. Изъ-за того-то онъ и бьетъ только домашній скоть. За послѣднее время поселяне съ Венгунги на него озлобились, вотъ онъ и явился къ намъ, чтобы разсердить и нашихъ поселянъ. Пока онъ будетъ въ отсутствіи, тамъ очистятъ для него джунгли, а намъ съ дѣтьми придется бѣжать отсюда, когда станутъ жечь траву. Отъ души благодаримъ Ширъ-Хана“.

„Позвольте передать ему вашу благодарность?“ задалъ вопросъ Табаки.

„Убирайся прочь!“ прервалъ его Волкъ. „Уходи отсюда и охоться со своимъ господиномъ. Для одного вечера ты надѣлалъ уже достаточно непріятностей.“

„Ухожу,“ спокойно отвѣтилъ Табаки. „Даже отсюда слышно, что Ширъ-Ханъ тутъ, внизу, въ заросляхъ. Я могъ бы ничего не говорить вамъ.“

Волкъ насторожилъ уши и дѣйствительно услышалъ внизу, въ сбѣгающей къ ручью долинь, сухое, злобное, брюзгливое, однообразное мурлыканье тигра, не поймавшего еще никакой добычи и не старающагося скрыть это обстоятельство отъ обитателей джунгли.

„Какая глупость!“ воскликнулъ Волкъ. „Подобнымъ шумомъ начинать ночную работу! Не полагаетъ ли онъ, что наши дикія козы похожи на разжирѣвшихъ воловъ Венгунги?“

„Тссъ! Сегодня онъ охотится не на козъ или воловъ, а на людей,“ сказала Волчиха. Тѣмъ временемъ мурлыканье перешло въ какое-то гулкое мяуканье, доносившееся до нихъ, казалось, сразу со всѣхъ четырехъ сторонъ. Это были тѣ самые звуки, при помощи которыхъ тигры обманываютъ спящихъ на открытомъ воздухѣ дровосѣковъ и бродягъ, заставляя ихъ подчасъ бѣжать въ самую пасть хищника.

„На людей!“ повторилъ Волкъ, обнажая всѣ свои бѣло-снѣжные зубы. „Фу! Неужели для него мало жуковъ и лягушекъ по лужамъ, что онъ собирается ѣсть людей И вдобавокъ еще на нашемъ участкѣ!“

Всегда цѣлесообразный въ своей основѣ Законъ Джунглей запрещалъ нападать на людей, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда показываютъ молодому поколѣнію, какъ надо убивать человѣка; но и тогда охота допускалась только внѣ предѣловъ участка племени и стаи. Истинная причина этого запрещенія заключалась въ томъ, что нападенія на людей вызывали, какъ неизбежное слѣдствіе, появленіе рано или поздно бѣлыхъ людей на слонахъ, вооруженныхъ ружьями и сопровождаемыхъ сотнями темнокожихъ съ гонгами, трещетками и колотушками. Тогда наступало всеобщее бѣдствіе для обитателей Джунгли. Въ своей средѣ звѣри предпочитали, однако, считать причиной запрещенія то, что человѣкъ — самое слабое и беззащитное изъ всѣхъ живыхъ созданий, и что нападать на него недостойно уважающаго себя охотника. Совершенно справедливо указывали также, что отъ человѣческаго мяса появляются на кожѣ парши и расшатываются зубы.

Мяуканье тигра становилось все громче и закончилось мощнымъ ревомъ „Аархъ!“ издаваемымъ тиграми, когда они бросаются на свою жертву.

Послѣ этого раздался совершенно необычный для тигра, жалобный вой Ширь-Хана. „Промахнулся,“ промолвила Волчиха. „Съ нимъ что то случилось.“

Волкъ отбѣжалъ на нѣсколько шаговъ въ сторону и прислушался къ тому, что яростно и злобно ворчалъ Ширь-Ханъ, продираясь сквозь чащу.

„Вотъ дуракъ! Ничего не могъ придумать лучшаго, какъ прыгнуть на костеръ дровосѣковъ, и обжегъ себѣ лапы,“ произнесъ Волкъ съ досадой. „Съ нимъ и Табаки.“

„Кто то взбирается на холмъ,“ сказала Волчиха, поводя однимъ изъ ушей. „Будь наготовѣ.“

Въ чащѣ кустарника послышался легкій шорохъ. Волкъ присѣлъ на своихъ лапахъ, приготовившись прыгнуть. Случайный наблюдатель былъ бы далѣе свидѣтелемъ самаго интереснаго явленія—волкъ остановился на срединѣ своего прыжка. Еще не видя, на что бросается, онъ прыгнулъ, а потомъ захотѣлъ остановиться. Въ результатѣ вышло, что, подпрыгнувъ прямо вверхъ, на высоту четырехъ-пяти футовъ, Волкъ опустился на землю почти на томъ же самомъ мѣстѣ.

„Человѣкъ!“ вырвалось у него изумленное восклицаніе. Человѣческій дѣтенышъ. Посмотри-ка!“

Прямо противъ Волка, держась за низкія вѣтки, стоялъ голый темнокожій ребенокъ, видимо только что начавшій ходить, нѣжное, съ ямочками на тѣлѣ, созданіе, какое врядъ ли появлялось когда нибудь ночью возлѣ волчьей пещеры. Ребенокъ глядѣлъ прямо на Волка и улыбался.

„Человѣческій дѣтенышъ?“ удивилась Волчиха. „Никогда не видывала ихъ вблизи. Принеси-ка его сюда.“

Волки привыкли переносить своихъ дѣтей и могутъ, если бы понадобилось, взять въ зубы хрупкое яйцо, не повредивъ его скорлупы. Хотя Волкъ захватилъ ребенка челюстями прямо за спину, но ни одинъ зубъ не оставилъ на кожѣ малѣйшей царапины, пока онъ перенесъ его и опустилъ на землю среди своего потомства.

„Какой крошечный! Совсѣмъ голый, а смѣлый!“ проговорила тронутая Волчиха. Ребенокъ тѣмъ временемъ пробирался среди дѣтенышей поближе къ ея теплomu тѣлу. „Эге, да онъ начинаетъ сосать, какъ и всѣ остальные. Найдется-ли

гдѣ-нибудь другой волкъ, могущій похвастать человѣческимъ дѣтенышемъ среди своихъ дѣтей?“

„Мнѣ приходилось слышать о подобныхъ случаяхъ, бывшихъ когда то давно, еще до меня, и не въ нашей стаѣ“, отвѣтилъ Волкъ. „Онъ совсѣмъ безъ шерсти; я могъ бы его убить однимъ ударомъ лапы. Но, погляди-ка, посматриваетъ себя и нисколько не боится.“

Льющійся въ пещеру лунный свѣтъ заслонила какая-то тѣнь. Въ отверстіе просунулась большая угловатая голова и плечи Ширъ-Хана. Табаки, стоявшій за его спиной, повторялъ: „Господинъ, господинъ, онъ прошелъ сюда.“

„Ширъ-Ханъ оказываетъ намъ слишкомъ большую честь“, произнесъ Волкъ съ наружнымъ спокойствіемъ, но глаза его выражали злобу, „Что угодно Ширъ-Хану?“

„Мою добычу. Сюда пробрался человѣческій дѣтенышъ“, проговорилъ Ширъ-Ханъ. „Отдайте его.“

Предположенія Волка были справедливы — Ширъ-Ханъ дѣйствительно угодилъ прямо на костеръ дровосѣковъ и былъ разъяренъ болью въ обожженныхъ лапахъ. Волкъ отлично зналъ, что входъ въ пещеру слишкомъ узокъ для тигра. Даже и тамъ, гдѣ Ширъ-Ханъ стоялъ сейчасъ, его плечи и переднія лапы были стиснуты недостаткомъ мѣста, и онъ чувствовалъ себя такъ же неловко, какъ человѣкъ, затѣявшій драться въ бочкѣ.

„Мы, волки — Свободный Народъ“, произнесъ Волкъ. „Мы слушаемся приказаній главы Стаи, а не какогонибудь полосатаго разбойника, нападающаго на домашній скотъ. Человѣческій дѣтенышъ принадлежитъ намъ, и мы убьемъ его сами, если захотимъ.“

„Захотимъ, не захотимъ! О чемъ здѣсь толковать? Клянусь убитымъ мною быкомъ, долго ли мнѣ придется стоять, уткнувшись носомъ въ вашу собачью конуру и требуя того, что безспорно принадлежитъ мнѣ по праву? Это говорю я, Ширъ-Ханъ.“

Ревъ тигра наполнилъ громомъ всю пещеру. Волчиха стряхнула съ себя дѣтенышей и прыгнула впередъ; ея глаза зажглись и горѣли, какъ два мѣсяца, навстрѣчу сверкающимъ глазамъ Ширъ-Хана.

„А я, Ракша (Демонъ), тебѣ отвѣчаю! Человѣческій дѣ-

тенышъ принадлежитъ мнѣ, слышишь, Лонгри? Онъ мой. Его никто не убьетъ. Онъ останется жить, будетъ бѣгать со Стаей и охотиться. И когда нибудь придетъ время, заруби это на своемъ носу, онъ убьетъ тебя самого, ты, охотникъ на слабыхъ человѣческихъ дѣтенышей, пожиратель лягушекъ и рыбѣдъ! Убирайся отсюда или, клянусь убитымъ мною Самбуромъ — я то вѣдь не ѣмъ заморенаго скота! — ты отправишься за своей матерью, ты, обжегшійся звѣрь джунгли, еще болѣе хромой, чѣмъ при рожденіи. Убирайся прочь!“

Волкъ глядѣлъ на нее, пораженный изумленіемъ. Изъ его памяти исчезли уже тѣ дни, когда въ честномъ бою онъ отбилъ Волчиху у пяти волковъ, когда она носилась повсюду вмѣстѣ со Стаей, и данное ей прозвище Демонъ не являлось пустымъ звукомъ. Ширъ-Ханъ былъ бы не прочь помѣряться силами съ Волкомъ, но выступить противъ Волчихи онъ побоялся, такъ какъ зналъ, что на ея сторонѣ всѣ преимущества поля битвы, и что она будетъ биться на смерть. Поэтому онъ съ ворчаньемъ попятился отъ выхода въ пещеру и, высвободившись, прокричалъ:

„На своемъ дворѣ всякая собака лаетъ! Подождите, что еще скажетъ Стая насчетъ выкармливанія человѣческихъ дѣтенышей. Дѣтенышъ этотъ мой, и, рано или поздно, онъ мнѣ достанется, слышите-ли вы, воры съ косматыми хвостами?“

Волчиха бросилась на землю среди своихъ дѣтей, дрожа отъ возбужденія, а Волкъ сказалъ ей серьезно:

„Ширъ-Ханъ говоритъ правду. Дѣтеныша придется показать Стаѣ. Ты все еще хочешь оставить его, Мать?“

„Пусть останется“, промолвила она, вздыхая. „Онъ пришелъ къ намъ глухой ночью, голый, одинокій и голодный, и, однако, не боялся. Погляди, онъ уже оттолкнулъ одного изъ моихъ дѣтокъ. Тотъ хромой мясникъ убилъ бы его и убѣжалъ на Венгунгу, а поселяне изъ мести выгнали бы всѣхъ насъ изъ нашихъ логовищъ. Оставимъ его. Право я сдѣлаю это. Лежи спокойно, лягушеночекъ. О, ты, мой Маугли, — я буду называть тебя Маугли, Лягушенокъ, — и придетъ время, когда ты пойдешь охотиться на Ширъ-Хана, точно такъ же, какъ сегодня онъ охотился на тебя“.

„Но что скажетъ на это Стая?“ спросилъ Волкъ.

Законъ Джунглей ясно гласить, что взявшій себѣ жену

волкъ живетъ отдѣльно отъ Стаи, но, какъ только дѣтеныши начнутъ бѣгать, онъ долженъ привести ихъ на Совѣтъ Стаи, собирающійся обычно разъ въ мѣсяцъ, въ полнолуніе, чтобы остальные волки могли осмотрѣть его потомство и одобрить его. Послѣ такого осмотра дѣтенышамъ предоставляется право свободно бѣгать, гдѣ хотятъ, и, пока они не убьютъ своей первой козы, нѣтъ пощады тому взрослому волку изъ Стаи, который убьетъ кого-нибудь изъ нихъ. Наказаніе за это преступленіе — смерть на мѣстѣ, гдѣ будетъ схваченъ убійца. Нельзя не признать цѣлесообразную справедливость этого закона.

Дождавшись того времени, когда дѣтеныши стали понемногу бѣгать, Волкъ однажды ночью отправился на Собраніе Стаи, взявъ съ собою ихъ всѣхъ, а также Маугли и Волчиху. Собранія происходили на Скалѣ Совѣта — скалистой вершинѣ холма, гдѣ, среди большихъ камней и валуновъ, могла размѣститься цѣлая сотня волковъ. Акела, крупный, сѣрый одинокій волкъ, за силу и хитрость выбранный предводителемъ Стаи, лежалъ въ растяжку на особомъ камнѣ, а пониже его разсѣлось свыше сорока волковъ всевозможныхъ размѣровъ и оттѣнковъ шерсти, отъ похожихъ цвѣтомъ мѣха на барсука матерыхъ волковъ, способныхъ каждый унести козу, до черныхъ трехлѣтковъ, утѣшавшихся мыслью, что и они въ силахъ сдѣлать то же. Одинокій волкъ былъ вожакомъ Стаи уже цѣлый годъ. Въ дни своей молодости онъ два раза попадался въ волчью западню, а одинъ разъ былъ смертельно избитъ и брошенъ издыхающимъ. Поэтому онъ хорошо зналъ обычаи и навыки людей. На скалѣ разговаривали немного. Дѣтеныши кувыркались одинъ черезъ другого въ серединѣ круга, составленнаго изъ ихъ отцовъ и матерей; время отъ времени кто-нибудь изъ старшихъ волковъ спокойно подходилъ къ одному изъ дѣтенышей, внимательно его осматривалъ и возвращался на мѣсто на своихъ безшумно ступающихъ лапахъ. Иногда какая-нибудь мать выталкивала своего дѣтеныша впередъ, на самый свѣтъ мѣсяца, чтобы не пропустили осмотрѣть ея возлюбленнаго сына. Акела, лежа на своемъ камнѣ, покрикивалъ время отъ времени: „Законъ извѣстенъ всѣмъ. Будьте внимательны, о, Волки!“ а озабочен-

ныя матери подхватывали его призывъ, повторяя тотъ же возгласъ: „Будьте внимательны, о, Волки!“

Когда подошла ихъ очередь, отъ волненія у Волчихи стала дыбомъ шерсть на шеѣ, а Волкъ вытолкнулъ на середину круга Маугли, Лягушенка, какъ они его называли, гдѣ тотъ и усѣлся, беззаботно играя сверкающими въ лунномъ свѣтѣ камешками.

Акела не потрудился даже поднять голову со своихъ лапъ, а продолжалъ монотонно покрикивать: „Будьте внимательны!“ Внезапно сзади раздался оглушающій ревъ Ширъ-Хана, прокричавшаго: „Этотъ дѣтенышъ принадлежитъ мнѣ! Отдайте его! Что будетъ дѣлать Свободный Народъ съ человѣческимъ дѣтенышемъ?“ Акела не повелъ и ухомъ на это требованіе. Все, что онъ сказалъ, были лишь слѣдующія слова: „Будьте внимательны, о, Волки! Кто смѣетъ распоряжаться Свободнымъ Народомъ, кромѣ него самого? Будьте внимательны!“

Послышался хоръ протестующаго ворчанія, а одинъ изъ молодыхъ, четырехлѣтнихъ волковъ повторилъ Акелѣ вопросъ Ширъ-Хана: „Что дѣлать Свободному Народу съ человѣческимъ дѣтенышемъ?“ По Закону Джунглей, при возникновеніи споровъ, дѣтенышъ можетъ быть принятъ въ Стаю лишь въ томъ случаѣ, если въ его пользу выскажутся по крайней мѣрѣ два члена Стаи, помимо его отца и матери.

„Кто за принятіе въ Стаю этого дѣтеныша?“ задалъ вопросъ Акела. „Кто за него изъ членовъ Свободнаго Народа?“ Никто не отвѣчалъ, и Волчиха мысленно готовилась уже къ тому, что было бы ея послѣднимъ боемъ, если дѣло дойдетъ до схватки.

Неожиданно поднялся Балу, сонный бурый медвѣдь, бывший единственнымъ постороннимъ существомъ на Совѣтѣ Стаи. Старый Балу обучалъ юныхъ волковъ Закону Джунглей и пользовался правомъ бродить повсюду, гдѣ угодно, такъ какъ питался онъ орѣхами, кореньями и медомъ. Сѣвъ на заднія лапы, медвѣдь началъ хриплымъ голосомъ:

„Человѣческій дѣтенышъ, человѣческій дѣтенышъ! Я высказываюсь за принятіе человѣческаго дѣтеныша. Онъ не можетъ принести никакого вреда. Я не умѣю говорить красно, но говорю правду. Пусть бѣгаетъ со Стаей, примемъ его вмѣстѣ съ другими. Я самъ буду его учить“.

„Нуженъ еще одинъ голосъ“, произнесъ Акела. „Балу высказался за принятіе дѣтеныша, а вѣдь Балу обучаетъ нашу молодежь. Кто согласенъ съ Балу?“

На середину круга прыгнула черная тѣнь. Это была Багира, Черная Пантера, вся черная, какъ смоль, со свойственными пантерамъ пятнами, отливающими при извѣстномъ освѣщеніи, какъ муаровый шелкъ. Присутствовавшіе хорошо знали Багиру, и никто изъ нихъ не посмѣлъ бы стать на ея пути: по хитрости она равнялась Табаки, обладала силою буйвола, а храбростью не уступала раненому слону. И въ то же время голосъ у нея былъ нѣженъ, словно капающій съ дерева дикій медъ, а шерсть мягче пуха.

„О, Акела, и вы, Свободный Народъ“, промурлыкала она. „Я не пользуюсь правомъ голоса на вашихъ собраніяхъ. Но Законъ Джунглей говоритъ, что, въ случаѣ сомнѣній въ необходимости убить новаго дѣтеныша, жизнь его можетъ быть куплена за извѣстную плату. Кто внесетъ этотъ выкупъ, по Закону безразлично. Не такъ-ли?“

„Правильно, правильно“, послышались голоса вѣчно голодныхъ молодыхъ волковъ. „Слушайте Багиру. Дѣтеныша можно выкупить. Это по закону“.

„Зная, что не имѣю права здѣсь говорить, прошу разрѣшить мнѣ это“.

„Говори“, послышалась дюжина голосовъ.

„Убить голаго дѣтеныша было бы величайшимъ позоромъ. Кромѣ того, онъ могъ бы принести вамъ большую пользу, когда вырастетъ. За него высказался Балу, а я къ словамъ Балу прибавлю только что убитого мною жирнаго быка, лежащаго не дальше мили отсюда, если вы примете дѣтеныша въ Стаю, согласно Закону. Развѣ это ужъ такъ опасно?“

Поднялся общій шумъ десятковъ голосовъ, восклицавшихъ: „Что за важность? Онъ умретъ отъ зимнихъ дождей. Его спалитъ солнцемъ. Какой вредъ можетъ принести голая лягушка? Пусть его бѣгаетъ со стаей. Гдѣ быкъ, Багира? Примемъ его!“ И въ заключеніе прозвучалъ низкій вой Акелы: „Будьте внимательны, о, Волки!“

Маугли былъ все еще поглощенъ своими камешками и не обращалъ вниманія на волковъ, подходившихъ по одному и

осматривавшихъ его. Наконецъ, всѣ волки убѣжали съ холма внизъ, къ трупъ быка, и остались на мѣстѣ только Акела, Багира, Балу и родные Маугли. Волкъ съ Волчихой. Ширъ-Ханъ еще рычалъ гдѣ-то въ ночной темнотѣ, злобствуя, что Маугли не попалъ въ его лапы.

„Ори, ори громче“, промолвила про себя Багира. „Придетъ время, и это голое безпомощное созданіе заставитъ тебя кричать на другой ладъ, если только я что-нибудь понимаю въ людяхъ“.

„Все окончилось благополучно“, замѣтилъ Акела. „Люди и даже дѣтеныши ихъ очень умны. Со временемъ онъ можетъ оказать намъ большую пользу.“

„Вѣрно, онъ поддержитъ насъ въ минуту опасности. Нельзя вѣчно быть вожакомъ стаи,“ добавила Багира.

Акела ничего не возразилъ на это замѣчаніе. Онъ задумался о печальной участи всѣхъ вожаковъ волчьихъ стай: съ теченіемъ времени силы ихъ слабѣютъ и, наконецъ, волки убиваютъ ихъ и выбираютъ новыхъ, которыхъ впереди ожидаетъ та же судьба.

„Уведи его,“ сказалъ онъ Волку, указывая на Маугли, „И воспитывай достойнымъ образомъ, какъ слѣдуетъ воспитывать всякаго, кто принадлежитъ къ Свободному Народу.“

Такимъ-то образомъ, за выкупъ, состоявшій изъ туши быка, и благодаря заступничеству Балу, совершилось вступленіе Маугли въ волчью стаю.

Теперь читателю придется перенестись мысленно сразу черезъ десять-одиннадцать лѣтъ и только догадываться о подробностяхъ необычайнаго образа жизни Маугли среди волковъ. Чтобы описать эту жизнь, понадобились бы цѣлые томы книгъ. Онъ росъ вмѣстѣ съ дѣтенышами волковъ, хотя, конечно, они превращались во взрослыхъ волковъ, а онъ продолжалъ оставаться ребенкомъ. Волкъ обучилъ его своему промыслу. Все происходящее въ джунглѣ, до малѣйшаго шороха въ травѣ, легкаго движенія теплаго ночного воздуха, крика совы надъ головой, царапинъ отъ когтей летучей мыши, присѣвшей на вѣтку дерева, до всплеска какой-нибудь рыбки въ прудѣ, все это получило для Маугли такое же зна-

ченіе и смыслъ, какое представляютъ для современнаго дѣловаго человѣка всѣ частности его работы въ конторѣ. Если онъ не былъ занятъ обученіемъ, то располагался гдѣ-нибудь на солнышкѣ и спалъ, потомъ ѣлъ и снова укладывался спать; когда ему становилось жарко, или онъ чувствовалъ себя грязнымъ, къ его услугамъ было купанье въ лѣсномъ прудѣ, иногда ему хотѣлось меду (Балу удалось убѣдить его, что медъ и орѣхи такъ же пріятно ѣсть, какъ и сырое мясо), и тогда онъ карабкался за нимъ на деревья, а Багира показывала, какъ это нужно дѣлать. Растянувшись на вѣткѣ, Багира звала его: „Поди сюда, Маленькій Братишка!“ Сначала Маугли цѣплялся медленно и неуклюже, но вскорѣ научился перелезть съ вѣтки на вѣтку почти съ такимъ проворствомъ, какъ сѣрыя обезьяны. Маугли занималъ уже свое мѣсто на Скалѣ Совѣта во время собраній Стаи и сдѣлалъ здѣсь открытіе, что ни одинъ волкъ не можетъ выдержать его взгляда, опускающая глаза, если Маугли на него пристально посмотритъ. Такая особенность человѣческаго взгляда его забавляла, и онъ часто продѣлывалъ этотъ опытъ въ шутку. Часто оказывалъ онъ волкамъ дружескія услуги, извлекая занозы изъ лапъ и колючки изъ шерсти своихъ друзей, такъ какъ волки сильно страдаютъ отъ нихъ. Иногда онъ спускался ночью по склону холма на обработанные людьми участки земли и съ интересомъ наблюдалъ за поселянами въ ихъ хижинахъ. Но онъ относился къ людямъ съ недоувѣріемъ съ той поры, какъ Багира показала ему ящикъ съ падающей дверкой, такъ хитро скрытый въ джунглѣ, что Маугли едва въ него не попался; это была западня. Больше всего онъ любилъ забраться съ Багирой въ сумрачную теплую лѣсную чашу, проспять тамъ весь томительно-жаркій день, а ночью любоваться, какъ Багира ловитъ добычу. Испытывая голодъ, Багира, не разбирая, бьетъ направо и налево, и Маугли поступалъ точно такъ же. Но было одно исключеніе. Когда онъ выросъ настолько, что сталъ многое понимать, Багира запретила ему нападать на домашній скотъ, потому что самъ-то онъ былъ выкупленъ у Стаи цѣною жизни быка. „Вся джунгля къ твоимъ услугамъ,“ говорила Багира. „Ты можешь убивать всѣхъ, кого осилишь, но ради того быка, за котораго тебя выкупили, ты не долженъ убивать и ѣсть домашній скотъ, одинаково молодой и